

мянскими крестьянами, лишился головы, которую они представили нам; я полагаю, что это случилось по особому Божескому предначертанию, ибо Кассиан отрубил голову многим среди этого народа. Город Антиохия был взят 3 июня (1098 г.), а осада его началась около 21 октября (1097 г.).

Пока наши отлагали нападение на верхнее укрепление, чтобы заняться приведением в известность количества добычи, захваченной ими, и пока они давали блестящие пиришествва, заставляя плясать перед собой языческих жён, и таким образом забыв совершенно Бога, который осыпал их благодеяниями, в восьмой день июня (1098 г.) они увидели, что их самих осадили язычники, и те самые люди, которые при помощи Божией осаждали столь долгое время турок антиохийских, были в свою очередь, по определению Бога, окружены турками; и к большому нашему ужасу, крепость, о которой мы говорили и которая служила защитой города, по-прежнему оставалась в руках неприятелей. Таким образом, побуждаемые страхом, наши решились приступить к осаде крепости.

С самого начала своего прибытия *Корбара* (известный обыкновенно под именем Кербога; у Вильгельма Тирского: Корбогат), турецкий владетель, желая вступить немедленно в битву, раскинул свои палатки вблизи города, около двух миль расстояния; потом, построив свои полки, он подошел к мосту. С первого дня наши позаботились укрепить замок графа (Тулузского), опасаясь, что если дойдет до дела, то неприятель, находившийся внутри, может овладеть тем местом, или если мы оставим укрепление перед мостом и враг займет его, то у нас будет отнята возможность сражаться и производить вылазки.

Затем автор рассказывает отдельные случаи из приступов Кербога в течение первых 5 дней осады до 14 июня, когда крестоносцы были доведены до крайности и готовы были уже уступить, как их спасло неожиданное обстоятельство.

Таким образом, когда наши были доведены до отчаяния и совершенно растерялись, явилось на помощь им Божественное

милосердие, которое, наказав своих чад, преданных распуцству, употребило следующее средство, чтобы утешить их в крайней печали.

После взятия города Антиохии Господь, выказывая свое могущество и благость, избрал бедного крестьянина, родом провансальца, который возвратил нам всем силу; он обратился к графу (Тулузскому) и епископу Пюи со следующими словами:

«Андрей, апостол Бога и нашего Господа Иисуса Христа, четыре раза являлся мне и повелевал идти к вам и вручить после взятия города *копье*, которым был прободен наш Спаситель. Но сегодня, когда я вышел с другими сражаться за городскую черту, на обратной дороге меня сбили с ног два всадника и едва не раздавили: печальный и усталый, я сел на камень; горе и страх привели меня в изнеможение. Тогда опять явился мне блаженный Андрей вместе со своим спутником и обратился ко мне, страшно угрожая, если я не потороплюсь вручить вам копье».

Тогда граф и епископ Пюи просили его рассказать им подробно все об откровении и явлении апостола, и он им отвечал:

«Еще во время землетрясения в Антиохии, когда ее осаждала армия франков, я был объят таким ужасом, что мог проговорить только слова: “Господи, спаси!” Это случилось в полночь; я лежал и в моей палатке не было никого, кто мог бы своим присутствием ободрить меня. Так как мое замешательство продолжалось и все более увеличивалось, предо мной явились два человека в блестящих одеяниях: один был постарше с седыми и побелевшими волосами, глаза черные и выразительные, борода белая, широкая и длинная, сам же среднего роста. Другой был помоложе, но выше и так хорош, как не бывают сыны человеческие. Старший спросил меня: “Что ты делаешь?” Я же трясся всеми членами, зная, что со мной никого не было, но я ему отвечал: “Кто ты?” И он заговорил: “Встань, не бойся и послушай, что я тебе скажу: я – апостол Андрей. Собери епископа Пюи, графа св. Эгидия (Тулузского) и Петра Раймунда из Готпуля (Altopullo, ныне Hautpoul) и скажи им: почему епископ не обращает внима-